

УДК821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Оформление *И. Саукова*

Иллюстрация на переплете *В. Бондарь*

Перумов, Ник.
П26 Семь Зверей Райлега. Книга первая. Тёрн / Ник Перумов. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-699-21808-0

Тёрн из народа дхуссов, воин, философ, маг - кто он и зачем появился в Мире Семи Зверей? Кто преследует его и почему он никогда не рассказывает о своем прошлом даже тем, с кем сражался плечом к плечу? Какова его миссия, и не связана ли она с наступлением на земли людей, аэлов, сидхов и прочих разумных обитателей Райлега, страшной беды – Гнили, с которой не могут справиться ни Мастера Смерти страшной и загадочной страны Некрополиса, ни волшебники Державы Навсинай? А может быть, Тёрну предстоит стать последним аргументом в их многовековом и кровавом противостоянии?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

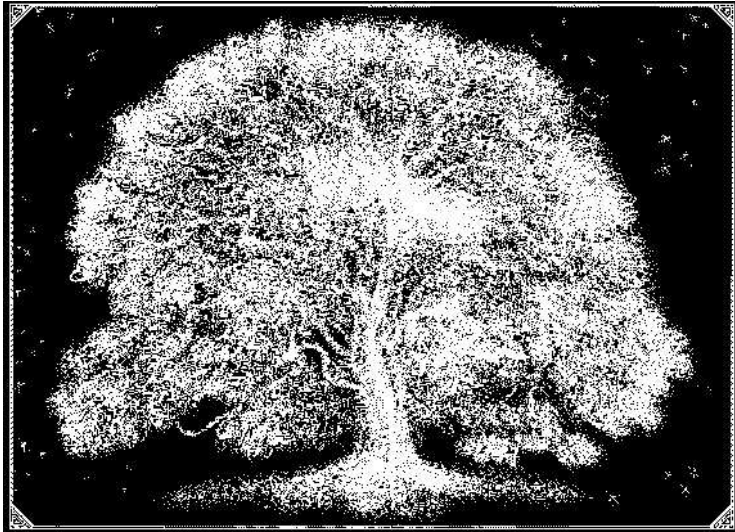
ISBN 978-5-699-21808-0

© Перумов Н. Д., 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

КНИГА ПЕРВАЯ

ТЁРН

ᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃᄃᄃ
(Ха revenaliy di Emota)

О сотворении Сущего (предание сидхов)

...Вначале не было ничего. Ни земли, ни неба, ни воздуха, ни воды. Бесформенным и невоплощённым заполнено было всё, и ничего, кроме него, не было. А началось всё с желания, что стало первым семенем; из него проросла же мысль.

Желание и Мысль — вот что изменило Хаос. Изменение породило движение, движение породило силу, а сила — сознание.

В невообразимой глубине Хаоса возникли Безымянные, и четверо их было. Неведомы нам ни их прозвания, ни вид их, одно лишь знаем мы точно — что они есть.

И один из них, воплотившись, стал Землёй, а другой — Воздухом. Водой — третий, а четвёртый — Исполинским Древом, возросшим на этой земле и впитавшим в себя эту воду, дышащим этим воздухом. На древе том распустились

почки, и покрылось оно великим изобилием листьев. Эти листья и есть миры: как листья, плоски они, и, как листьев, бесконечно много их. И солнце, встающее над нашими головами, — это капельки Истинной Влагги, в которых отражается Истинный Свет. Иной спросит — свет чего же отражают капли сии и не кроется ли тут лукавство древнего предания? Не кроется, ответим, ибо Истинный Свет потому и Истинен, что незрим, разлит повсюду, всё пронзает, даруя жизнь, как учат посвящённые. Лишь отразившись в чём-то, может он быть явлен нам. Откуда проистекает он? Сие есть тайна, ведомо только, что не имеет он источника, вольно струясь от края и до края пределов вечноизменчивого Хаоса, неуничтожимый, несотворённый...

Огромны наши миры, и дано обычным смертным жить в них, но не странствовать меж ними. Таковое — удел Безымянных, что, воплотившись в Землю, Воздух, Воду и Древо, отделились потом от своих воплощений, приняли различные облики и с тех пор, говорят, всё скитаются по сотворённому ими, наблюдая за теми, кому дали жизнь и дыхание. А для чего они это сделали — то нам знать не дано.

Хаос же остался. Но, раз начав изменяться, уже не мог остановиться. Возникли многие планы бытия, непонятные нам. Сейчас же одни из них населены, другие пусты. Особые силы и таланты потребны, чтобы рождённый на одном из листьев-миров смог проторить дорогу в иной мир и уж тем более на иной план.

Неисчислимы листья на Великом Древе, бесконечно и число бытийных планов, возникших во Всеобъемлющем Хаосе. Неуничтожимо сознание, вечен наш путь, и никто не ведаёт конечной цели его.

ГЛАВА 1

Дух Ветра вырвался наконец на волю из плена тесных ущелий, взвыл, не сдерживая больше ярости. Внизу раскинулась бескрайняя равнина, заблестели извивы речек, голу-

бые поляны маленьких озёр, окутанные зеленью не сбрасывающих листву лесов. Завывая от восторга, дух всё ускорял и ускорял неистовый полёт. Вперёд, вперёд, сквозь толщи аэра, вперёд, к самому горизонту и тому, что за ним!

Дух хотел бы мчаться так вечно, упиваясь собственной мощью и быстротой, не зная границ, не ведая пределов — и чтобы внизу постоянно расстилался бы пёстрый ковёр земли. Однако дух знал, что великолепие этих красот не бесконечно. Если долго-долго лететь вслед за светилом, обгоняя тёмных птиц Ночи, то рано или поздно перед тобой воздвигнется Великий Предел. Препграда, которую не преодолеть даже ему, существу свободной стихии. И там, за этим Пределом, — Ничто. Даже не мрак, не пустота. Ничто, где нет места жизни, свету или тьме. Даже смерти там нет места, потому что смерть — это не только конец, но также и великое Начало; а за Пределом всё навеки застыло в странной не-смерти и не-жизни.

Впрочем, дух не особенно расстраивался по этому поводу. Просторы мира достаточно велики. Есть где разгуляться.

Он мчался с запада на восток, набрав разгон над морем Тысячи Бухт, над его берегами. Справа и слева расстилались поросшие низким лесом холмистые равнины, с Реарских гор сбегало множество коротких, но полноводных рек. Реки служили естественными границами, отделяя друг от друга небольшие, но воинственные королевства; духу не было дела до их имён, но любой купец или даже просто китобой, плававший по здешним водам, знал назубок все государства Южного Берега: Воршт, Килион и Масано, Гвиан, Алеа и Семтеа; ещё дальше лежали Акседор, Доарн и Меодор. И, наконец, последнее из свободных королевств полуденной стороны северного Приморья — небольшое, но гордое Долье.

Там, где Реарские горы вплотную приближались к морю, где река Сиххот разделила земли живых и владения повелителей мёртвых, небо обильно испятнали бесчисленные

дымы. Внизу полыхали пожары и пожарищи, кое-где вздымаясь сплошным заревом.

Война, очередная война подобных с подобными, тех, что бродят по земле на двух ногах, — но духа это не интересовало. Он счастливо избег нескольких попыток смертных колдунов наложить на него заклятье призывания, подчинить его, загнать в рабское стойло; когда двуногие дерутся, это хорошо — их чародеи слишком заняты, чтобы обращать внимание на мир духов.

Кто там на кого напал, кто в справедливой борьбе защищал свой дом и очаг, а кто коварно ударил в спину ничего не подозревавшему соседу — дух не знал и знать не желал. Он просто пронёсся сквозь дымный горизонт, вскоре оставив полосу пожарищ далеко позади.

Ручейки и речушки сливались в полноводные потоки, заимки и починки уступали место поселкам, те, в свою очередь, — сжавшимся, словно иглоносы, городам. Поднимались угрюмые серые бастионы, высокие и тонкие, словно рыбы кости, сторожевые башни. Десятки и сотни краснокирпичных труб изрыгали едкий дым — жёлтый, коричневый, зеленоватый. Дух Ветра даже поморщился от омерзения, спеша как можно скорее оставить позади злое место.

Это проносились земли Некрополиса, державы, мощи которой страшились даже сущности свободных стихий, и дух поспешил свернуть на юг, вдоль пограничной реки Делхар — разумеется, пограничной она была только для двуногих обитателей тех мест.

Он обогнул восточную оконечность Реарских гор и теперь мчался обратно на запад, над обширными владениями Державы Навсинай, вечного и врага, и соперника мрачного Некрополиса. Здесь тоже хватало уродливых мануфактур, длинных и низких, словно черви, вгрызшихся в плоть земли.

Но вот — зловонные города растаяли вдали, промелькнуло русло могучей Аэрно, и впереди вновь воздвиглись коричневатые громады гор — духу гостеприимно распахив-

вал объятия прямой и острый, точно меч, Таэнгский хребет. Засверкали венчающие каменных исполинов снежные короны, венцы ледников в свою очередь давали жизнь водным потокам, щедро делясь с ними собственной прозрачной кровью.

На краю обрыва, на головокружительной высоте дух Ветра разглядел крошечную фигурку. Но какое дело вольному сыну аэра до бескрылых обитателей земли! Он просто взмыл повыше, не желая блуждать по ущельям и долинам. Силуэт остался далеко внизу и мгновенно пропал из виду.

...Девушка отвела руки от лица — пронёсшийся холодный порыв горного ветра резанул острым клинком. Сама она бесстрашно стояла в полушаге от пропасти, рухнувшей вниз сотнями шагов отвесной каменной стены. Лес у её подножия докатился волнами зелёного моря до безжизненных гранитных пластов, где корни уже не могли найти влаги, и остановился.

Девушка последний раз взглянула вниз и со вздохом отошла от края. Похоже, она только что поднялась сюда, на жуткую верхотуру.

Не по-человечески тонкую, узкобедрую, словно у мальчишки, фигуру плотно облегалo зелёно-коричневое одеяние, беспорядочно покрытое широкими пятнами в цвет живой травы и листьев. Поясом служила гибкая живая ветвь. На изящных маленьких ступнях — лёгкие сандалии, переплетающиеся ремешки обвязок поднимались до колен.

Больше у неё ничего не было: ни оружия, ни сумы.

Одного взгляда на незнакомку хватило бы, чтобы понять — она не человек. Узкое лицо с мелкими, хоть и соразмерными чертами, широко раздвинутые большие янтарные глаза с вертикальными зрачками, короткие и донельзя густые волосы, торчащие жёсткой щёткой, словно колючки у ежа. Длинные гибкие пальцы заканчивались настоящими коготками вместо ногтей. Впалые щёки, густые, сросшиеся на переносице брови — их внешние концы тянулись наис-

кость через виски, придавая девушке сходство с какой-то хищной птицей вроде совы.

Народ застывшей у обрыва красавицы звался сидхами во всех краях широкого мира, мира Семи Зверей, как говорили его обитатели. Впрочем, это прозвание сохранилось лишь «в старых местах», вроде Смарагдового острова или уже упоминавшихся вольных королевств; жители больших городов Державы Навсинай или Некрополиса предпочитали иное имя мира — Райлег. Равно как и новых богов, вернее, бога — великого и непознаваемого Ома, творца сущего и несущего, низвергнувшего Семерых Зверей, якобы лишь стороживших мир для их истинных хозяина и хозяйки, владыки и владычицы демонов, Шхара и Жингры, кои и должны были в свой черёд сожрать Райлег со всеми потрохами.

Брр, жуткая сказка.

Сидхи не обладали бессмертием истинных аэлов-ноори, но жили дольше и людей, и подземных обитателей, низкорослых, коренастых, кого мы для простоты назовём привычным для читателя именем «гномы».

Далеко-далеко внизу внимательный глаз сумел бы различить тонкую нить полускрытой древесными кронами дорожки. Ещё более зоркий, взглядевшись, заметил бы какую-то коробочку, отчего-то застывшую на обочине. Над коробочкой поднималась тонкая струйка почти прозрачного дыма.

Сидха смотрела вниз и видела совсем другое. А именно — как там, на дороге, горел закрытый возок, завалившись одним боком в канаву, перед ним бесформенными тушами застыли павшие тягуны. А по обе стороны дымящейся повозки в дорожной грязи валялись мёртвые тела в ярких красно-оранжевых ливреях.

Девушка наконец отошла от края пропасти. Решительно повернулась к ней спиной и упругим лёгким шагом двинулась на запад, вниз по склону, к угрюмо нависшим ветвям горных елей, ощетинившихся длинными, в ладонь,

светло-серебристыми иголками. Голый камень обрыва уступал место мягкой лесной почве, густо покрытой опавшей сухой хвоей.

Рождённая в чаще, сидха двигалась бесшумно, изредка плавная текучесть нарушалась резким и отрывистым поворотом, взглядом жёлтых совиных глаз.

Десяток шагов — и за спиной странницы сомкнулась непроглядная завеса. Нигде ни малейшего признака тропинки, но сидха шагала уверенно, словно давно знакомой дорогой, направляясь к глубокой, густо заросшей ельником седловине между исполинскими горными пиками, взметнувшимися прямо к облакам.

Она слышала и чувствовала лес, как никогда не смог бы ощутить и самый лучший из людей-трапперов — замечала лёгкий след горного прыгуна, гнездо краснозобика в развилке ветвей, дупло ушастика. Звери и птицы не боялись её — впрочем, и не спешили навстречу, потому что гостья оставалась хозяйкой и повелительницей, а не одной из них. Впрочем, истинные сидхи никогда не охотились ни ради еды, ни ради развлечения.

Сидха шла, не останавливаясь и не задерживаясь, на ходу утоляя жажду из чистых и быстрых горных ручьёв, где между камнями скользили рыбы-пучеглазки. Им положено жить на больших глубинах, а вовсе не в горных речках; лишнее свидетельство вырвавшейся на свободу из неумелых человеческих рук магии. И если бы только рыбы... «Отходами магических практик», новосозданными племенами всяких там таэнгов и клоссов теперь кишмя кишат некогда заповедные земли Гиалмарских равнин.

И это ещё хорошо. Куда хуже — кошмарная Гниль, поразившая богатые, давно обжитые области.

Гниль — это когда у здоровых женщин вдруг ни с того ни с сего рождались жуткого вида младенцы, покрытые коростой, зловонные, больше напоминавшие червей, нежели людей, со «сгнившим», как говорилось в народе, нутром —

пустым и чёрным. Мало кто из этих созданий доживал до вечера, а если рядом случалось оказаться медикусу или просто чародею со знаком Высокого Аркана и ему удавалось произвести вскрытие — невыносимый запах валил с ног всех на двадцать шагов в любую сторону.

Во многих местах несчастных матерей повадились просто и бессудно сжигать, как ведьм. Очень часто их судьбу разделяли и отцы.

Раньше, два-три десятка кругов Света назад, подобное ещё оставалось редкостью. Потом жуткие создания стали появляться всё чаще и чаще, и теперь они уже не просто тихо умирали к концу первого дня. Иные жили по неделе, пытаясь уползти, словно червяки. Иные уже прямо и рождались с острыми игольчатыми зубами в два ряда. Конечно, так обстояло далеко не везде. И громадное большинство младенцев в людских пределах покидали материнскую утробу такими, какими им и положено быть. Но зараза ужаса распространялась.

Дальше — больше. В девственных лесах и на вспаханных полях то тут, то там стала вспучиваться земля, набухая, словно болото пузырьём. Собственно, новый страх так и прозвали — пузыри земли. Они вздувались и лопались, на свободу вырывались целые орды отвратительных бледных многоножек с руку длиной и такой же толщины, снабжённых огромными челюстями. Многоножки пожирали всё: колосья на поле и скотину в лугах, посеревшие колья изгородей и свежеподнятые плетни. Счастье ещё, что отвратные твари жили только с заката до заката.

С ними, конечно, боролись. Маги, если успевали, жгли непотребство огнём, заливали убийственными ядами, и нельзя сказать, что это не работало, — однако новые пузыри лопались в других местах и почти всегда — близко от человеческого жилья.

Довольно быстро заметили, что земля чаще всего извер-

гает червей там, где родился «выгнивший» изнутри ребёнок. Или — где он вот-вот родится.

...Пока что зараза охватила лишь человеческие земли. Во владениях других рас всё оставалось спокойно — вернее, там Гниль проявлялась по-другому, не столь отвратно и разрушительно.

Родные леса сидхи избегли подобной напасти, но в ближайших к ним деревнях за последние несколько кругов пузыри лопались уже дважды.

Впрочем, в диких и ненаселённых местах, за Таэнгом, такого, по слухам, не случалось.

...Сидха шагала и шагала, чуть замедлившись лишь однажды — когда, гордо пренебрегая опасностью, на другой берег ручья прямо перед ней вышел истинный властелин этих мест — великолепный снежный саблезуб. Поблескивали клыки в полторы ладони взрослого человека, изогнутые подобно знаменитым саблям южного Ксавра.

Сидха и зверь несколько мгновений смотрели друг другу в глаза. Саблезуб был смел и не собирался уступать. И лишь когда в руках девушки шевельнулась живая ветка-пояс, лесной владыка счёл за лучшее отступить с достоинством, не опуская головы и не поджимая хвоста, звериным чутьём поняв, *что* это в действительности за «пояс» и на что он способен. Тем более в руках истиннорождённой сидхи.

Странница продолжала путь.

Ночь застала её в самой глубине горного леса. Сидха не ломала веток и не устраивала себе никакого ложа, улёгшись прямо на ковре из опавшей хвои; пояс-ветка расстегнулась и тотчас же вытянулась, окружая спящую сплошным кольцом.

Рядом с собой сидха положила острый сук, подобранный в чаще.

Странница мгновенно уснула — спокойно, словно принцесса в родовом замке за десятком крепких ворот и сотнями верных мечей.